

чинивший в это время следствие по делу новиковской компании, был вызван рядом причин и поводов, из которых наиболее важными являлись следующие.

Первым поводом была борьба большого и малого двора — екатерининской и павловской партий, которая, докатываясь до близ стоящего дворянства, могла порождать представления о некоторой шагкости престола.

Другой, болезненной для многих и поэтому трудно разрешимой причиной был вопрос о промышленном и аграрном путях России, в достаточной мере определенно наметившийся к концу столетия. За год до французской революции в России был, как известно, неурожай. О нем писал Щербатов в своей статье о причинах повсеместного голода в России. Между тем, неурожай в Европе 70-х годов показал русскому дворянству, что хлеб, пожалуй, самая выгодная статья вывоза. Это еще раз ставило вопрос о структуре крепостного хозяйства.

И, наконец, третьей — было неблагополучное состояние дворянских финансов, несмотря на открытие во вторую половину века ссудных дворянских касс, ссужавших под залог имений.

За три года перед революцией в Петербурге была переведена книга Неккера «О управлении государственных доходов французского королевства». Перевести ее представилось целесообразным вероятно по той же причине, по которой во Франции, как сообщает Сегюр, она лежала «в кармане у всех аббатов и на туалетном столе у всех дам». Дочь Неккера, мадам де-Сталь, писала, что этого сочинения ее отца было распродано 8000 экземпляров — цифра небывалая по тем временам.

На основе этого финансового неблагополучия и выросла крайне характерная для русской литературы XVIII столетия публицистика, нападавшая на роскошь, мотовство и столичную бесхозяйственность дворянства.

к заблужденно и разврату людей, не основанных на правилах чести. Я хотя все меры к сему взял, но довольно способов недостает совершенно сие удержать, паче потому что . . . таковые книги продают скрытно . . . и без ошибки сказать, всемилостивейшая государыня, можно, что все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно» (см. В. Сиповский. Из прошлого русской цензуры. Русск. Ст. р., 1899, май—июнь). Прозоровский, весьма ненадежный свидетель, плохо понимавший и преувеличивавший опасность привоза французских книг, однако правильно указывает на их распространенность в Москве, а тем самым и в Петербурге.